ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В. О. Ключевский

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Преподавателям слово дано не для того, чтобы усыплять свою мысль, а чтобы будить чужую» – в этом афоризме выдающегося русского историка Василия Осиповича Ключевского выразилось его собственное научное кредо. Ключевский был замечательным лектором: чеканность его формулировок, интонационное богатство, лаконичность определений завораживали студентов. Литографии его лекций студенты зачитывали в буквальном смысле до дыр.

«Исторические портреты» В.О.Ключевского – это блестящие характеристики русских князей, монархов, летописцев, священнослужителей, полководцев, дипломатов, святых, деятелей культуры.

Издание основывается на знаменитом лекционном «Курсе русской истории», который уже более столетия демонстрирует научную глубину и художественную силу, подтверждает свою непреходящую ценность, поражает новизной и актуальностью.

- Василий Осипович Ключевский
  - Анна Иоанновна

Василий Осипович Ключевский

Анна Иоанновна

Императрица Анна Иоанновна в коронационном платье

Императрица Анна и ее двор. Движение 1730 г. ровно ничего не дало для народной свободы. Может быть, оно дало толчок политической мысли дворянства. Правда, политическое возбуждение в этом сословии не погасло и после неудачи верховников; но оно под действием царствования Анны значительно преломилось, получило совсем другое направление. Это царствование – одна из мрачных страниц нашей истории, и наиболее темное пятно на ней – сама императрица. Рослая и тучная, с лицом более мужским, чем женским, черствая по

природе и еще более очерствевшая при раннем вдовстве среди дипломатических козней и придворных приключений в Курляндии, где ею помыкали, как русско-прусско-польской игрушкой, она, имея уже 37 лет, привезла в Москву злой и малообразованный ум с ожесточенной жаждой запоздалых удовольствий и грубых развлечений.

Выбравшись случайно из бедной митавской трущобы на широкий простор безотчетной русской власти, она отдалась празднествам и увеселениям, поражавшим иноземных наблюдателей мотовской роскошью и безвкусием. В ежедневном обиходе она не могла обойтись без шутих-трещоток, которых разыскивала чуть не по всем углам империи: они своей неумолкаемой болтовней угомоняли в ней едкое чувство одиночества, отчуждения от своего отечества, где она должна всего опасаться. Большим удовольствием для нее было унизить человека, полюбоваться его унижением, потешиться над его промахом, хотя она и сама однажды повелела составить Св[ященный] Синод в числе 11 членов из двух равных половин – великороссийской и малороссийской.

Не доверяя русским, Анна поставила на страже своей безопасности кучу иноземцев, навезенных из Митавы и из разных немецких углов. Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении. Этот сбродный налет состоял из «клеотур» двух сильных патронов: «канальи курляндца», умевшего только разыскивать породистых собак, как отзывались о Бироне, и другого канальи, лифляндца, подмастерья и даже конкурента Бирону в фаворе, графа Левенвольда, обер-шталмейстера, человека лживого, страстного игрока и взяточника. При разгульном дворе, то и дело увеселяемом блестящими празднествами, какие мастерил другой Левенвольд, обер-гофмаршал, перещеголявший злокачественностью и своего брата, вся эта стая кормилась досыта и веселилась до упаду на доимочные деньги, выколачиваемые из народа. Недаром двор при Анне обходился в пять-шесть раз дороже, чем при Петре I, хотя государственные доходы не возрастали, а скорее убавлялись. «При неслыханной роскоши двора, в казне, – писали послы, – нет ни гроша, а потому никому ничего не платят».

Церемониальная процессия на Соборной площади в день коронации Анны Иоанновны

Между тем управление велось без всякого достоинства. Верховный тайный совет был упразднен, но и Сенат с расширенным составом не удержал прежнего первенствующего значения. Над ним стал в 1731 г. трехчленный Кабинет министров, творение Остермана, который и сел в нем полновластным и негласным вдохновителем своих ничтожных товарищей: князя Черкасского и канцлера Головкина. Кабинет – не то личная контора императрицы, не то пародия Верховного тайного совета: он обсуждал важнейшие дела законодательства, а также выписывал зайцев для двора и просматривал счета за кружева для государыни. Как непосредственный и безответственный орган верховной воли, лишенный всякого юридического облика, Кабинет путал компетенцию и делопроизводство правительственных учреждений, отражая в себе закулисный ум своего творца и характер темного царствования. Высочайшие манифесты превратились в афиши непристойного самовосхваления и в травлю русской знати перед народом.

Казнями и крепостями изводили самых видных русских вельмож – Голицыных и целое гнездо Долгоруких. Тайная розыскная канцелярия, возродившаяся из закрытого при Петре II Преображенского приказа, работала без устали, доносами и пытками поддерживая должное уважение к предержащей власти и охраняя ее безопасность. Шпионство стало наиболее поощряемым государственным служением. Все казавшиеся опасными или неудобными подвергались изъятию из общества, не исключая и архиереев; одного священника даже посадили на кол. Ссылали

массами, и ссылка получила утонченно-жестокую разработку. Всех сосланных при Анне в Сибирь считалось свыше 20 тысяч человек; из них более 5 тысяч было таких, о которых нельзя было сыскать никакого следа, куда они сосланы. Зачастую ссылали без всякой записи в надлежащем месте и с переменою имен ссыльных, не сообщая о том даже Тайной канцелярии: человек пропадал без вести.

Между тем народное, а с ним и государственное хозяйство расстраивалось. Торговля упала: обширные поля оставались необработанными по пяти и по шести лет; жители пограничных областей от невыносимого порядка военной службы бежали за границу, так что многие провинции «точно войною или мором опустошены», – как писали иноземные наблюдатели. Источники казенного дохода были крайне истощены, платежные силы народа изнемогли: в 1732 г. по смете ожидалось дохода от таможенных и других косвенных налогов до 2/2 миллиона рублей, а собрано было всего лишь 187 тысяч. На многомиллионные недоимки и разбежались глаза у Бирона.

Под стать невзгодам, какими тогда посетила Россию природа, неурожаям, голоду, повальным болезням, пожарам, устроена была доимочная облава на народ. Снаряжались вымогательные экспедиции; неисправных областных правителей ковали в цепи, помещиков и старост в тюрьмах морили голодом до смерти, крестьян били на правеже и продавали у них все, что попадалось под руку. Повторялись татарские нашествия, только из отечественной столицы. Стон и вопль пошел по стране. В разных классах народа толковали: «Бирон и Миних великую силу забрали, и все от них пропали, овладели всем у нас иноземцы; тирански собирая с бедных подданных слезные и кровавые подати, употребляют их на объедение и пьянство; русских крестьян считали хуже собак; пропащее наше государство! Хлеб не родится, потому что женский пол царством владеет; какое ныне житье за бабой?»

Народная ненависть к немецкому правительству росла, но оно имело надежную опору в русской гвардии. В первый же год царствования ее подкрепили третьим пехотным полком, сформированным из украинской мелкошляхетской милиции. В подражание старым полкам Петра I, новый был назван Измайловским – по подмосковному селу, где любила жить Анна. Полковником назначен был помянутый молодец обер-шталмейстер Левенвольд, и ему же поручили набрать офицеров в полк из лифляндцев, эстляндцев, курляндцев и иных наций иноземцев, между прочим, и из русских. Это была уже прямая угроза всем русским, наглый вызов национальному чувству.

Подпирая собой иноземное иго, гвардия услужила бироновщине и во взыскании недоимок: гвардейские офицеры ставились во главе вымогательных отрядов. Любимое детище Петра, цвет созданного им войска – гвардеец явился жандармом и податным палачом пришлого проходимца. Лояльными гвардейскими штыками покрывались ужасы, каких наделали разнузданные народным бессилием пришельцы. Еще при самом начале немецких неистовств польский посол, прислушиваясь к толкам про немцев в народе, выразил секретарю французского посольства опасение, как бы русские не сделали теперь с немцами того же, что они сделали с поляками при Лжедмитрии. «Не беспокойтесь, – возразил Маньян, – тогда у них не было гвардии». Дорого заплатила дворянская гвардия за свое всеподданнейшее прошение 25 февраля 1730 г. о восстановлении самодержавия и за великолепный обед, данный за это императрицей гвардейским офицерам 4 апреля того же года, удостоив их при этом чести обедать вместе с ними. Немцы показали этой гвардии изнанку восстановленного ею русского самодержавия.

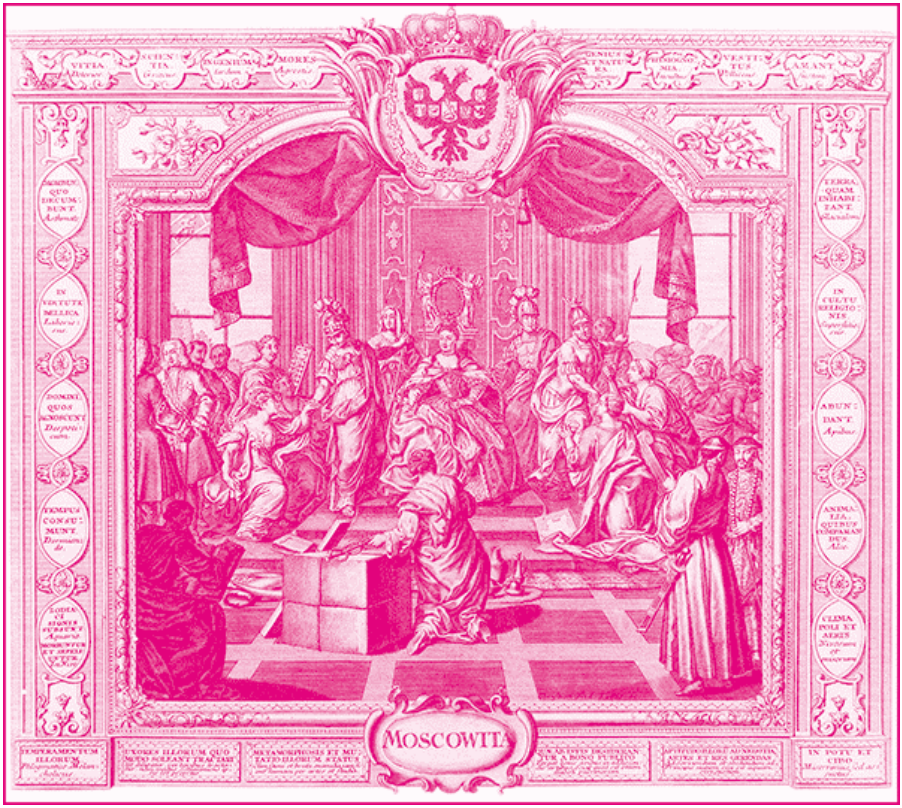
Внешняя политика. Бирон с креатурами своими не принимал прямого, точнее, открытого участия в управлении: он ходил крадучись, как тать, позади престола. Над кучей бироновских ничтожеств высились настоящие заправилы государства – вице-канцлер Остерман и фельдмаршал Миних. Им предстояло все усиливавшийся ропот на худое ведение внутренних дел заглушить шумными внешними успехами, а немецкое правительство русской императрицы из Митавы даже обязано было для собственной безопасности поддержать свой престиж в России и в Европе. Этого и немудрено было добиться, умело позируя между Францией и Австрией, во взаимной вражде одинаково заискивавшими у России с ее превосходным петровским войском, которого еще не успели вполне расстроить. Таким знатокам дипломатического и военного искусства, как Остерман и Миних, представились два прекрасных случая показать, насколько лучше умеют они вести дела, чем доморощенные русские неучи и лентяи.

В 1733 г. умер король Польский Август II, непутный союзник Петра I, и надобно было поддержать его сына в борьбе за польский престол против французского кандидата, старого Станислава Лещинского. В 1697 г. достаточно было в подобном случае придвинуть еще не устроенное русское войско к литовской границе, чтобы доставить этому Августу II торжество над французским принцем. Теперь ввели в глубь Польши целую регулярную армию в 50 тысяч под командой лучшего из генералов-иноземцев, да и то не немца, а шотландца Ласси,

любимца солдат. Но в Петербурге предприятие было так плохо подготовлено, а присланный улаживать дела в Польше закадычный друг Остермана, бездельник обер-шталмейстер Левенвольд, поставил русское войско в такое невыносимое положение, что 42 месяца осаждали укрывший за своими стенами Станислава Данциг. Под ним сменивший Ласси, Миних сам уложил более 8 тысяч русских солдат. Во время польской войны друзья Остермана австрийцы не ввели в Польшу ни одного солдата на помощь союзным русским войскам. А когда Франция объявила Австрии войну за Польшу и со своими союзниками отняла у нее Неаполь, Сицилию, Лотарингию и почти всю Ломбардию, всемогущий и славный петербургский дипломат двинул к Рейну того же Лесси с 20-тысячным корпусом, и тем выручил свою жалкую и предательскую союзницу. По связи с польской войной и по поводу крымских набегов в 1735 г. начали войну с Турцией. Надеялись в союзе с Персией и той же Австрией припугнуть турок легкой и быстрой кампанией, чтобы сгладить неприятное впечатление отказа от прикаспийских завоеваний Петра Великого, удержать Турцию от вмешательства в польские дела и освободиться от тягостных условий договора на Пруте 1711 г.

Обремененный всеми высшими военными должностями, подмываемый честолюбивыми вожделениями и окрыляемый мечтаниями, Миних также желал этой войны, чтобы освежить свою боевую славу, несколько поблекшую под Данцигом. И действительно, русские войска добились громких успехов: сделаны были три опустошительные вторжения в главное татарское гнездо, в непроницаемый дотоле Крым, взяты Азов, Очаков, после Ставучанской победы в 1739 г. заняты Хотин, Яссы и здесь отпраздновано покорение Молдавского княжества. Герой войны Миних широко расправил крылья. Ввиду турецкой войны в Брянске на реке Десне завели верфь и на ней ускоренно строили суда, которые, спустившись Днепром в Черное море, должны были действовать против Турции. Суда строились по системе тяпляп и, по окончании войны, признаны были никуда не годными. Однако, по взятии Очакова в 1737 г., Миних хвастливо писал, что на этой флотилии, взорвав днепровские пороги, он в следующем году выйдет в Черное море и пойдет прямо в устья Днестра, Дуная и далее в Константинополь. Надеялись, что все турецкие христиане поднимутся, как один человек, и стоит только высадить в Босфоре тысяч двадцать с несуществовавших русских кораблей, чтобы заставить султана бежать из Стамбула. На австро-русско-турецком конгрессе в Немирове 1737 г. Россия потребовала у турок всех татарских земель от Кубани до устьев

Дуная с Крымом включительно и независимости Молдавии и Валахии.



Анна Ивановна в окружении придворных

Война стоила страшно дорого. В степи, Крыму и под турецкими крепостями уложено было до 100 тысяч солдат, истрачено много миллионов рублей; показали миру чудеса храбрости своих войск, но кончили тем, что отдали дело во враждебные руки французского посла в Константинополе Вильнева, ума непервоклассного, по отзыву русского резидента. Но он превосходно распорядился интересами России, заключил мир в Белграде (сентябрь 1739 г.) и подсчитал такие главные итоги всех русских усилий, жертв и побед: Азов уступается России, но без укреплений, которые должны быть срыты; Россия не может иметь на Черном море ни военных, ни даже торговых кораблей; султан отказался признать императорский титул русской императрицы. Вот к чему свелись и брянская флотилия, и крымские экспедиции, и штурм Очакова, и Ставучаны, и воздушный полет Миниха в Константинополь. Вильневу за такие услуги России предложен был вексель в 15 тысяч талеров, от которого, впрочем, тот великодушно отказался – до окончания

всего дела, и Андреевский орден, а его сожительница получила бриллиантовый перстень. Россия не раз заключала тяжелые мирные договоры; но такого постыдно смешного договора, как Белградский 1739 г., ей заключать еще не доводилось и авось не доведется. Вся эта дорогая фанфаронада была делом первоклассных талантов тогдашнего петербургского правительства, дипломатических дел мастера Остермана и такого же военных дел мастера Миниха с их единоплеменниками и русскими единомышленниками. Однако их заслуги перед Россией щедро вознаграждались. Остерман, например, по разнообразным своим должностям вплоть до генерал-адмирала получал не менее 100 тысяч рублей на наши деньги.

А. Рябушкин. **Императрица Анна Иоанновна в Петергофском зверинце на охоте; при ней герцог Бирон и обер-егермейстер Волынский**

Движение против немцев. Горючий материал негодования, обильно копившийся 10 лет, тлел незаметно. Ему мешали разгораться привычное почтение к носителям верховной власти, исполнение некоторых шляхетских желаний 1730 г. и нечто похожее на политический стыд: сами же надели на себя это ярмо. Но смерть Анны развязала языки, а оскорбительное регентство

Бирона толкало к действию. Гвардия зашумела; офицеры, сходясь на улицах с солдатами, громко плакались им, что регентство дали Бирону мимо родителей императора, а солдаты бранили офицеров, зачем не зачинают. Капитан Бровцын, на Васильевском острову, собрал толпу солдат и с ними горевал, что регентом назначен Бирон. Увидел это кабинет-министр Бестужев-Рюмин, креатура регента, и, превратив себя в городового, погнался с обнаженной шпагой за Бровцыным, который едва успел укрыться в доме Миниха.

Подполковник Пустошкин, вспомнив 1730 год, подговорил многих, и в том числе гвардейских офицеров, подать челобитную от российского шляхетства о назначении регентом принца-отца. Пустошкин хотел провести свою просьбу через кабинет-министра князя Черкасского, одного из шляхетских вождей 1730 г., а тот выдал его Бирону. Офицеры толковали о регенте, не трогая императора-ребенка; нижним чинам была понятнее более простая и радикальная мысль о самом престоле. При сыне герцога Брауншвейгского, кто ни будь регентом, господство все равно останется в руках немцев. На престоле надобно лицо, которое обошлось бы без регента и без немцев. Озлобление на немцев расшевелило национальное чувство; эта новая струя в политическом возбуждении постепенно поворачивает умы в сторону дочери Петра. Идучи от присяги императору-ребенку, гвардейские солдаты толковали о цесаревне Елизавете.

Один гвардейский капрал в этот день говорил своим товарищам: «А не обидно ли? Вот чего император Петр I в Российской империи заслужил: коронованного отца дочь государыня-цесаревна отставлена». Возбуждение гвардейских кружков сообщалось и низшим слоям, с ними соприкасавшимся. Когда манифест о воцарении Ивана Антоновича и о регентстве Бирона был прислан в Шлиссельбург, в канцелярию Ладожского канала, один писарь оказался навеселе. Окружающие советовали ему привести себя для присяги в порядок, но он возразил: «Не хочу – я верую Елизавет-Петровне». Самые скромные чины хотели иметь свои политические верования. Так был подготовлен ночной гвардейский переворот 25 ноября 1741 г., который возвел на престол дочь Петра I.

Этот переворот сопровождался бурными патриотическими выходками, неистовым проявлением национального чувства, оскорбленного господством иноземцев: врывались в дома, где жили немцы, и порядочно помяли даже канцлера Остермана и самого фельдмаршала Миниха. Гвардейские офицеры потребовали у новой императрицы, чтобы она избавила Россию от немецкого ига. Она дала отставку некоторым немцам. Гвардия

осталась недовольна, требуя поголовного изгнания всех немцев за границу. В Финляндском походе (тогда шла война со Швецией) в лагере под Выборгом против немцев поднялся открытый бунт гвардии, усмиренный только благодаря энергии генерала Кейта, который, схватив первого попавшегося бунтовщика, приказал сейчас же позвать священника, чтобы приготовить солдата к расстрелянию.

В. Якоби. **Шуты при дворе Анны Иоанновны**